

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

М. Туйчиева,

старший преподаватель УзГУМЯ

Аннотация

В статье рассматривается национальная специфика социокультурных речевых норм венесуэльского национального варианта испанского языка. Представлены актуальные особенности венесуэльской речи, снабженные примерами и комментариями. Также проанализированы проблема единства испанского языка и действия Венесуэлы в области языковой политики.

Ключевые слова: языковая норма, единство языка, испанский язык, национальный вариант, Венесуэла.

Annotation:

This paper considered the nationwide specifics of social cultural standard features of speech for the Venezuelan dialect of the Spanish. The study presented current features of the Venezuelan speech, accompanied with examples and comments, and observed the problem of integrity of the Spanish and actions taken by Venezuela in the field of language policy as well.

Keywords: language standard, integrity of language, the Spanish language, nationwide dialect, Venezuela.

Венесуэльский национальный вариант испанского языка характеризуется специфическими языковыми особенностями, обусловленными своеобразием истории, культуры и общественного строя этой страны. Тем не менее, существуют аспекты, общие для нескольких испано-говорящих стран, описание которых может помочь нарисовать общую лингвистическую панораму.

Следует напомнить, что, когда речь идет об использовании языка, выделяют две нормы: разговорную и академическую. Разговорная норма реализуется бессознательно определенной группой людей. Академическая норма, напротив, навязывается (в эксплицитной или имплицитной формах) некими

авторитетами - властями и учреждениями, ответственными сохранять единство языка (создание грамматик, различных словарей и учебников).

В Венесуэле, как и в любой другой испаноговорящей стране, существует разговорная норма, которая варьируется внутри каждой диалектной зоны. В таком случае речь идет о региональной норме, которая, по большей части, является результатом экономической, общественной и культурной истории региона. Так, например, явление *voseo*, характерное для района Су-лии, венесуэльский лингвист Паес Урданета объясняет двумя причинами: во-первых, изоляцией данного района в течение всего периода испанской колонизации, а во-вторых, происхождением колонизаторов - выходцев не из самой Испании, а из венесуэльских районов, где *voseo* являлось нормой. В свою очередь, отсутствие *voseo* в прибрежной зоне страны также имеет свое историческое объяснение: во время колониального периода частые портовые контакты Венесуэлы со столицей привели к тому, что венесуэльцы прибрежной зоны, подражая господствующей модели языка столицы XVII-XVIII вв., заменяли использование местоимения *vos* на *tú*.

Внутри диалектной нормы особенно заметен так называемый акцент, который своей специфичной мелодией отображает региональное своеобразие (прежде всего, в простонародной и деревенской речи).

Помимо регионального и диалектного варьирования языка, существует социокультурное. Каждая социокультурная группа следует своей лингвистической норме, которую она считает привычной и правильной. Эти нормы обеспечивают и облегчают коммуникацию и в то же время демонстрируют принадлежность индивида к той или иной группе. Языковое варьирование очень четко отражается на социокультурном уровне. Так, в Венесуэле представитель низкого социального слоя говорит *haiga, me di de cuenta* или *estábanos*, в то время как говорящий высокого социального слоя скажет *haya, me di cuenta* и *estábamos*. Лингвистические отличия между социокультурными группами одного сообщества иногда могут быть больше тех, которые встречаются между людьми разных стран.

Диалектные и социокультурные нормы во многом зависят от коммуникативной ситуации и от используемого в ней регистра. Принято считать, что изменения регистра от одной коммуникативной ситуации к другой не являются радикальными. Лопес Моралес говорит по этому поводу, что «диафазные изменения - это непрерывный процесс, идущий от

просторечия до крайней формальности». Любой говорящий обладает довольно обширным перечнем регистров, используя их в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой он находится. Так, например, образованный венесуэлец в разговорном регистре может использовать выражения типа *vengo llegando, mi hijo llegó fue de madrugada* и *en esa fiesta había un poco de niños*, но в формальном диалоге эти фразы будут заменены на *estoy llegando, mi hijo no llegó sino en la madrugada* и *en esa fiesta había muchos niños*, соответственно. Говоря о стилистическом варьировании, Г. де Штерк отмечает, что «различия между регистрами более значительны, чем те, что существуют между континентами или другими географическими зонами».

Помимо упомянутых типов варьирования, существуют те, которые связаны с письменной и устной формами языка. Хотя между этими формами существует скорее континуум, чем радикальное противопоставление, нет сомнений в том, что в ситуации «письменный формальный язык / устный разговорный язык» заметны существенные различия. К. Сильва-Корвалан отмечает следующее: «Письменный язык представляет меньшее разнообразие, чем устный язык». Де Штерк, исходя из собственного эмпирического анализа, говорит, что «письменный язык демонстрирует, в основном, большее единство, чем устный».

Города на сегодняшний день являются административными, политическими, торговыми, культурными и даже санитарными центрами. Эти характеристики дают городам право диктовать языковую норму, превращая их в большие центры распространения языка. И если так дело обстоит в любом провинциальном городе, то, что говорить о столице - политическом и экономическом ядре власти? В столице расположены главные каналы теле- и радиовещания, национальные издательства и наиболее признанные университеты. Все это способствует тому, что испанский язык столицы ценится жителями провинции.

Важность речи городов в общем и столицы в частности была признана экспертами по данной теме. Лопе Бланч говорит, например: «Городские языковые нормы обладают большой силой». Д. Липски добавляет: «Стандартный язык страны обычно базируется на речи ее столицы». Говоря о влиянии речи городов на деревенское население, Морено Фернандес указывает на то, что «городской пролетариат доминирует над крестьянством». Монтес Хиральдо, в свою очередь, отмечает, что лингвистические единицы

деревенского пласта исчезают под влиянием «более унифицированных» городов.

В Венесуэле Паес Урданета отмечает большую власть испанского языка городов, особенно испанского языка Каракаса, что приводит к тому, что некоторые явления, характерные для андийской речи, заменяются на собственно столичные. Тенденцию подражать столичной модели сам Паес Урданета демонстрирует, говоря об отрицательном отношении в венесуэльских Андах к традиционному *voseo* - в разговоре с друзьями и подчиненными - и его постепенной замене на местоимение *tú*, использующееся в Каракасе. Упомянутый автор также отмечает постепенную замену *voseo* в районе Сулии на каракасское *tú*: «В Маракайбо в последнее время местоимение *tú* используется людьми высоких социальных слоев (напомним, что обращение на *tú* является нормой столицы Каракас), однако постепенно *tú* входит в речь людей других социально-экономических классов».

Все вышеизложенное указывает на то, что венесуэльский вариант испанского языка, хотя и представляет вариативность в различных диалектных зонах страны, за фундаментальную модель берет речь Каракаса. Данный аспект объясняет, почему говорящие венесуэльских Анд, по объективным и историческим причинам уподобляющиеся манере речи колумбийцев плоскогорья, имитируют модель речи Каракаса, а не Боготы. Поэтому поводу Д. Липски указывает: «Престиж речи Каракаса, в которой обычно ослабевает /s/, стал чувствоваться и в андийской Венесуэле. Это один из немногих случаев в Латинской Америке, когда диалект с ослабленной фонемой /s/ устанавливает речевую норму».

Но какая модель речи главенствует в самом Каракасе? Например, для многочисленных эмигрантов из Колумбии или Эквадора, которые приезжают в венесуэльскую столицу, моделью будет выступать вся та речь, что они слышат вокруг, при этом им не важны ни образование, ни социальный статус говорящего. Для культурных и образованных венесуэльцев, напротив, модель речи - наднациональный испанский, язык самых признанных писателей Венесуэлы.

На сегодняшний день в каждой испаноговорящей стране существует свой вариант испанского, который служит моделью, идеалом языка и является «исторически наиболее представленным языком». Этот вариант языка, так

называемый стандарт, вводится культурными людьми в формальных ситуациях. Стандартный язык страны, частично отличающийся от других стран, обладает той же ценностью, что и стандартный язык любой другой страны. Так, Розенблат указывает: «Нет иного выхода, как признать, что культурная речь Боготы, Лимы, Буэнос-Айреса или Мексики также приемлема, как речь Мадрида. Лингвистическая реальность обуславливает для разговорного культурного языка множество норм».

За ценность каждой стандартной национальной нормы высказывается также Лопе Бланч: «Испаноамериканские говорящие думают, что их собственная речевая норма, которой они придерживаются или которую практикуют, такая же легитимная и «правильная», как и любая другая».

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что стандартный венесуэльский испанский находит свое отражение в сочинениях, в телевизионных и радиовыступлениях известного венесуэльца Артуро Услар Пьетри, внесшего большой вклад в улучшение культуры и образования в стране. И сегодня стандартный язык Венесуэлы продолжает формироваться на базе формального испанского языка культурных людей.

В формальных письменных текстах (эссе, научные статьи, доклады и т.п.) наблюдается схожесть между венесуэльским вариантом и другими национальными дифференциациями испанского языка. Отметим, что при написании текста венесуэлец располагает двумя возможностями: придерживаться нормам стандартного венесуэльского варианта или применить нормы паниспанского, реже - паниспаноамериканского ареалов.

С формальной письменной речью тесно связана формальная устная речь, которая используется (и должна использоваться) в средствах массовой информации, образовании и ситуациях, требующих максимального уважения и следования академическим нормам. Устная формальная речь, несмотря на свою схожесть во всех национальных вариантах испанского языка, демонстрирует дифференциальные особенности, обусловленные частными факторами. Так, например, образованный житель Каракаса в своей речи, какой бы формальной она ни была, проглотит звук [s] в импловивной позиции, согласно существующим нормам страны; в противном случае его речь будет звучать искусственно. Также не стоит забывать о доли спонтанности, присущей устной речи; именно этим объясняются некоторые особенности формальной устной речи венесуэльского варианта, например: использование

косвенного местоимения *le* вместо *les* в предложениях типа *le di un regalo a mis hijos*, или *se los* вместо *se lo*, например, *selosdije* или постановка подлежащего или личного местоимения перед инфинитивом, например *par nosotros mejorar* вместо *para mejorar nosotros*.

Национальные особенности разговорного венесуэльского варианта испанского языка проявляются на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне наблюдается ослабление некоторых согласных в постударной позиции. На морфологическом уровне можно выделить суффиксы, характерные только для венесуэльского национального варианта, например суффикс *-mentazón* (*a las dos de la mañana hubo una tiramentazón terrible* - в два часа утра было сильнейшее землетрясение) или общеиспанские суффиксы с отличным значением, например: *lloradera* - плач, *barrial* - куча грязи или *mujerero* - большое скопление женщин. Для синтаксического уровня типичны плюрализация форм глагола *haber* (*habían, hayan*), использование форм субхунтива на *-ra* в сослагательных предложениях (*yo me comprara esa casa si tuviera dinero* - я бы купил этот дом, если бы у меня были деньги), использование фразы сфокусированного характера (*te llamé fue para pedirte un favor* - я позвонил тебе, чтобы попросить об одолжении), использование выражения *un poco de* в значении «много» (*había un poco de niños* - было много детей) или адъективация наречия *medio* (*media cansada* - подуставшая, *media enferma* - полубольная). На лексическом уровне заметно увеличение использования типично разговорных венесуэлизмов, например: *chévere* - классно, круто, *coroto* - мужские/женские половые органы, *encaletarse* - идти домой, *gafo* - тупица, идиоты т.п.

На международном уровне сохранение единства испанского языка входит в задачи Института Сервантеса и Ассоциации академий испанского языка. Так, последняя организация изучения языка и рекомендации по его использованию проводит на базе не только письменных текстов испанских писателей прошлых лет, но и на материале текстов различных национальных вариантов, как исторического (например, Диахронический корпус испанского языка (*Corpus diacrónico del español*), так и современного характера (например, Корпус современного испанского языка (*Corpus de referencia del español actual*)).

Говоря о национальной языковой политике Венесуэлы, следует отметить наиболее приоритетные направления ее деятельности, среди которых:

1. Выявление характеристик стандартного языка страны, как письменной, так и устной его форм;
2. Установление схожих и различных черт между стандартным венесуэльским вариантом и его разновидностями (региональные, социокультурные и стилистические);
3. Установление схожих и различных черт между стандартным венесуэльским вариантом и академическими нормами единого испанского языка.

Для достижения этих целей уже ведется активная работа. Так, насчитывается несколько корпусов венесуэльской речи, созданы словари венесуализмов и Лингвистический атлас Венесуэлы. При этом для национальной языковой политики Венесуэлы представляет интерес не только стандартный венесуэльский вариант, но и его региональные и социокультурные разновидности, имеющие свою лингвистическую ценность и значимость.

Литература

1. PáezUrdaneta I. Historia y geografía hispanoamericana del voseo. Caracas: La Casa de Bello, 1981. 169 p.
2. Español actual. №69. Madrid: Arco.Libros, S.L, 2011. 128 p.
3. López Morales H. Sociolingüística. Madrid: Gredos, 2013. 310 p.

